

В этот момент Элина и Рааз (отец) возвращались к дому. Услышав отчаянные крики Лита, они побежали назад, чтобы проверить его.

Когда они увидели Орпала, лежащего на полу и блевавшего, они поняли, что произошло. У них уже были подозрения, так как всякий раз, когда Орпал кормил Лита, тот всегда был голоднее обычного.

Но теперь у них было доказательство. В луже рвоты несваренный сливочный суп был виден как на ладони.

Рааз побагровел от гнева. «Ты, маленький...» Но ему пришлось остановиться, потому что вернулись и его другие дети. «Я очень разочарована в тебе, Орпал», — сказала Элина, видя, что ее муж слишком зол, чтобы говорить.

«С этого момента Литэ будет кормить Элина. Ты можешь взять на себя все ее смены в конюшне, потому что я не думаю, что даже ты способен есть сено».

«Но мама...» — сказал Орпал, пытаясь оправдаться. Он ненавидел коров и их запах.

"Никаких возражений, молодой человек!" — прорычал Рааз. — "И это еще не все! Элина, не побрезгуй приготовить еще одну миску для Лита, а еду возьми из порции Орпала! Он должен усвоить, что плохие поступки не остаются без последствий!"

Они говорили слишком быстро для Лита, и было слишком много незнакомых слов. Но Орпал только что побледнел, так что это были хорошие новости.

Орпал начал плакать и извиняться, но Лит постарался плакать еще громче, так что Рааз и Элина проигнорировали его просьбы и отправили его заботиться о животных.

После того, как его накормили щедрой порцией супа и молока, Лит смог, наконец, сосредоточиться на том, что произошло. После многочисленных проб и ошибок он постиг основы своей новой способности и приобрел гораздо более глубокое понимание магии.

Лит обнаружил, что при наложении элементарного заклинания на самом деле выполнялся трехступенчатый процесс. Сначала он испускал ману, затем ему приходилось смешивать ее с мировой энергией, которой он пытался управлять. Последний шаг был самым сложным: управление заклинанием и его эффектами.

Магия духа пропускала второй шаг, она использовала только его собственную силу, не заимствуя элементарную энергию. Это делало ее сложнее, чем любая другая магия, которой он практиковал до сих пор, и более энергоемкой.

Она также требовала гораздо большей сосредоточенности по сравнению с обычной магией. Чистая мана не имела физической формы, поэтому он не мог полагаться на свои глаза при манипулировании ее эффектами.

Все зависело от его силы воли и воображения. Чем яснее был мысленный образ действия, которое он хотел, чтобы выполняла мана, тем лучше был результат.

Диапазон также был очень ограничен, едва достигая радиуса в метр (3,28 фута).

Вопреки всем строгим ограничениям, Лит начал практиковать не только магию духа. Главным открытием было то, что каждое его достижение в магии духа распространялось и на все другие виды магии.

Ему больше не было нужды переключаться с практики одного на другое, и поэтому он прогрессировал намного быстрее, чем раньше.

Время от времени он использовал случайную магию, чтобы проверить свой прогресс, достигая нового понимания сути этого эфира.

Прогресс, которого достиг Лит, позволил ему также улучшить техники дыхания.

Благодаря Накоплению он теперь мог не только ощущать, как изменяется размер его манакора с практикой, но также иметь приблизительное представление о количестве маны, содержащееся в его теле. Используя Накопление, он подавал мировую энергию своему манакору, позволяя ему расширяться от размера булавочной головки до размера стеклянного шарика.

Когда ядро маны достигало размера мраморного шарика, для дальнейшего прогресса тело должно было силой сжимать его до размера булавочной головки.

Лит понятия не имел, как работает этот механизм, и не мог найти обходных путей. Развитие ядра маны и тела должно было происходить сообща, без каких-либо коротких путей.

Пробки возникали, когда Лит пытался использовать Накопление, пока ядро маны всё ещё было в своем максимальном размере. Мировая энергия отторгалась ядром, бушевала в его теле и вредила ему.

Путем постоянных циклов расширения и сжатия объем его маны стал несравним с тем, что было, когда он только родился.

После открытия и практики магии духа Лит приобрел гораздо более тонкий контроль над своей маной, как внутри, так и вне своего тела.

Ему удалось изменить технику Освежения таким образом, что, вдыхая мировую ману, он смешивал ее со своей собственной, временно превышая свои пределы.

Затем он расширял полученную энергию, перемещая ее от солнечного сплетения наружу, пока даже волосы на его теле не переполнялись маной.

С тех пор, как он изобрел Воодушевление, он заметил качественные изменения в своем теле. Теперь Лит лучше переносил холод и голод, и он почти никогда не болел.

Когда вся его семья простужалась, он либо выздоравливал до появления симптомов, либо выздоравливал за несколько дней.

«Если только это не сумасшедшее совпадение, улучшение Воодушевления — единственный способ закалить мое тело. Если я прав, это означает, что я могу использовать его как костыль, пока не стану достаточно большим для физической активности», — подумал он.

«Надеюсь, это также поможет мне быстрее преодолевать периоды застоя. Это азартная игра, но вреда быть не должно. Кроме того, в семимесячном возрасте я мало что могу сделать между голодом и заторами».

Что касается его семейной жизни, то и она претерпела некоторые изменения в последующие месяцы.

После супового инцидента с Орпалом между братьями пролегла пропасть. Лит был мстительным по своей природе, как и его брат.

Порой, когда Орпал был в гневе, он называл его Личем вместо Лика, поскольку в своем мозгу всегда думал о нем так.

Каждая обмолвка стоила ему основательной взбучки, а если он делал это в разгаре ссоры с родителями — то и хорошей порки.

Орпал винил Лика во всех своих несчастьях, этот коротышка всегда хихикал, когда у него случались неприятности.

У Лика же отношения с родителями, наоборот, становились все лучше и лучше.

Он уже начал лепетать, прижимаясь к Элине, говорить "Мама" и к Раазу, когда тот приближался к нему, — "Папа".

"Если этот мир хоть немного похож на земное средневековье, мне лучше оставаться в милости у моего старика, пока я не стану самодостаточным". Так рассуждал Лик.

Он по-прежнему очень сильно боялся отцовских фигур, к тому же у них двоих и так не было особой связи. Рааз постоянно был чем-то занят, позволяя супруге и старшей дочери проводить больше всего времени с малышом.

В свое оправдание он приводил ошибочное предположение, что Лит был слишком мал, чтобы замечать, и что у них еще будет время наверстать упущенное позже, как он поступил со своими другими сыновьями.

Рааз на самом деле любил его, а Лит не переставал его удивлять. Он не мог вспомнить, чтобы тот плакал без причины, даже когда резались зубы.

Если кто-то случайно задевал его колыбель или повышал голос, когда Лит спал или хотя бы притворялся, что спит, он не издавал никаких звуков, а просто оглядывался, прежде чем снова заснуть.

Лит все больше привязывался к Элизе: для него она была скорее любящей тетей, чем сестрой. Он видел себя в ней, когда она заботилась о своем младшем брате так же, как он заботился о Карле.

Ему бы очень хотелось выразить эту любовь, но единственное, что он мог сделать, это улыбаться и смеяться, как только он ее видел, и называть ее "Лала". Фактически, она была единственной, кроме его родителей, у кого было ласковое имя.

Это немного, но для нее это было всем.

И вот прошло время. Через шесть месяцев после прибытия Лифа впервые поставили на землю, и он начал ползать под строгим присмотром. На девятом месяце он начал ходить и перешел от лепета к настоящим словам.

В день своего рождения, узнав, что и в этом мире празднуют дни рождения, он позволил себе использовать простые фразы и начал задавать вопросы, чтобы пополнить свой словарный запас.

Не зная ничего о младенцах, было очень сложно найти подходящее время для всего. К счастью, Лит всегда мог прибегнуть к хитрости, чтобы узнать подходящее время для того, чтобы "научиться" что-то делать. Он уже был способен понимать большую часть того, что он слышал, так что он всегда был открыт для "предложений".

Если Элина изнывала от нетерпения, чтобы он наконец сказал "мама" вместо "мамочка", он мог ждать несколько дней, прежде чем это произойдет. Если Рааз ликовал, что Лит бежит к нему, он бежал.

Настоящей проблемой было обращать внимание на все, что говорили Рааз, Элиза и Элина, и при этом казаться совершенно невнимательным к их словам.

Еще одной проблемой было то, что как только они отпускали его свободно гулять по столовой, они также давали ему маленькие деревянные игрушки, ожидая, что он будет играть и исследовать свое окружение.

Лит уже знал столовую как свои пять пальцев, и в ней не было ничего особенного. Но он должен был притвориться, что заинтересован.

Это было самое трудное, что он когда-либо делал с тех пор, как стал ребенком, и это его до смерти пугало. Он понятия не имел, как ребенок будет исследовать такую скучную среду, и его паранойя из-за того, что он может выдать себя, заставляла его потеть градом.

Заметив ожидание в их глазах, он начал с ближайшего объекта — камина. Огонь не был разожжён, поленья были холодными и покрытыми золой.

Когда он подошёл ближе, Рааз остановил его.

«Это камин. Сейчас он безопасный, но огонь — это плохо. Огонь причиняет боль. Никогда его не трогай».

Лит посмотрел на него, явно сбитый с толку, прежде чем попытаться засунуть руку в золу. Рааз схватил его за руку, не позволив ему сделать этого.

«Огонь — это плохо. Никогда его не трогай». Повторил его отец.

Лит уставился ему в глаза, словно глубоко задумался, прежде чем спросить: «Огонь плохой?»

«Да, очень плохой». Ответил Рааз, кивая головой.

«Хорошо». Лит отошёл от камина и подошёл к столу. Когда он попытался взобраться на стул и чуть не упал с ним, Элина бросилась ему на помощь.

«Боже, этот малыш, кажется, любит опасность». Видя их всё более встревоженные выражения лиц, Лит подумал, что нашёл выход из этих мучений.

Он постоянно подвергал себя опасности, пытаясь залезть на стол и пройти на кухню, где рылся в кастрюлях и ножах.

Вскоре они решили, что приключенческое время кончилось. Они усадили его на старую тряпку, расстеленную на деревянном полу, и дали ему игрушки, чтобы он играл, пока они придут в себя от стресса.

У него был маленький деревянный конь, какая-то тележка и странно выглядящая собачья штука. Ему было намного проще играть. Литу не нужно было придумывать истории или объяснять, что он делает.

Он мог просто использовать время для игры, чтобы практиковаться в магии стихий. Лит на самом деле никогда не использовал руки, чтобы передвигать игрушки, заставляя их парить как можно ближе к своим пальцам.

Он действительно наслаждался этими моментами. Лит наконец-то мог открыто радоваться, кричать и смеяться всякий раз, когда он делал какое-то новое открытие или достигал успеха, и все, что видели его родители - это счастливый ребенок, увлеченный своими фантазиями.

"Кто бы мог подумать, что у такого тишайшего малыша может быть такое яркое воображение", - сказал Рааз с гордой улыбкой на лице. "Посмотри-ка. У него только несколько старых игрушек, но кажется, что целый мир помещается у него на ладони".